

Харри Вальтер
Валерий Михайлович Мокиенко
Елена Александровна Невзорова-Кмеч
Людмила Ивановна Степанова

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ ДЛЯ ПОЛЯКОВ

Редакция Ярослав Вежбиньски

**РУССКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ
ДЛЯ ПОЛЯКОВ**

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

Харри Вальтер

Валерий Михайлович Мокиенко

Елена Александровна Невзорова-Кмеч

Людмила Ивановна Степанова

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ ДЛЯ ПОЛЯКОВ

ПРАКТИЧЕСКОЕ
ПОСОБИЕ

Редакция Ярослав Вежбиньски

**WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO**
Łódź 2018

Jarosław Wierzbiński – Лодзинский университет, Филологический факультет
Институт русистики, Кафедра языкознания, 90-236 Лодзь, ул. Поморска 171/173

РЕЦЕНЗЕНТ

Krzysztof Kusal

РЕДАКТОР

Urszula Dzieciatkowska

РЕДАКЦИЯ

Bogusława Kwiatkowska

НАБОР И ВЁРСТКА ТЕКСТА

Munda – Maciej Torz

ПРОЕКТ ОБЛОЖКИ

Katarzyna Turkowska

В оформлении обложки использован © Depositphotos.com/bloodua, undrey

© Copyright by Authors, Łódź 2018

© Copyright for this edition by Uniwersytet Łódzki, Łódź 2018

Издательство Лодзинского университета

I издание. W.08098.17.0.S

Изд. лист 7,3; печ. лист 14,5

ISBN 978-83-8088-775-6

e-ISBN 978-83-8088-776-3

Издательство Лодзинского университета

90-131 Лодзь, ул. Линдлея 8

www.wydawnictwo.uni.lodz.pl

e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

тел. (42) 665 58 63

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
I. Русская фразеология глазами слависта	9
I.1. Что такое фразеология? (Понятия, проблемы, задачи)	11
I.2. Фразеология обучаемого и фразеология обучающего (Проблемы методики освоения фразеологизмов)	37
II. Упражнения	47
УРОК 1. ТРУД – БЕЗДЕЛЬЕ	49
УРОК 2. ЗНАНИЕ – НЕВЕЖЕСТВО	69
УРОК 3. БОГАТСТВО – БЕДНОСТЬ	89
УРОК 4. МНОГО – МАЛО	103
УРОК 5. БЫСТРО – МЕДЛЕННО	117
УРОК 6. РОЖДЕНИЕ – СМЕРТЬ	131
УРОК 7. ПРАВДА – ОБМАН	151
УРОК 8. ДАЛЕКО – БЛИЗКО	171
УРОК 9. ПЬЯНСТВО – ТРЕЗВОСТЬ	187
УРОК 10. УМ – ГЛУПОСТЬ	205
Литература	221

ВВЕДЕНИЕ

Книга *Русская фразеология для поляков* предназначена для студентов-русистов. В первой главе пособия рассматриваются основные проблемы фразеологии как науки, во второй главе даются упражнения для практического овладения русскими фразеологическими единицами. Эта глава построена по идеографическому принципу – в рамках конкретных тем: ЗНАНИЕ – НЕВЕЖЕСТВО, УМ – ГЛУПОСТЬ, ТРУД – БЕЗДЕЛЬЕ и др. В современной лингвометодике такой подход признается ведущим, так как тематические блоки фразеологизмов органично вписываются в коммуникативные циклы, дают представление о синонимических и антонимических отношениях во фразеологии и легче запоминаются учащимися.

Естественно, в одном пособии невозможно представить всё богатство русской фразеологии. Поэтому для данной книги авторы избрали 10 наиболее многочисленных и употребительных тематических групп. Уроки имеют сходную структуру. В начале каждого урока даются фразеологизмы избранной группы и их польские эквиваленты (как правило, фразеологические; лексические эквиваленты приводятся только в тех случаях, когда тождественный польский оборот

ВВЕДЕНИЕ

отсутствует), затем следует диалог, показывающий употребление данных выражений в тексте, и далее – упражнения на усвоение и закрепление фразеологических единиц.

Каждый урок содержит также тексты из современной русской литературы и рассказы об истории русских выражений, поскольку, как показывает практика, происхождение фразеологизмов всегда вызывает живой интерес учащихся. В каждом уроке также приводятся русские пословицы и поговорки. В некоторых из уроков даются подсказки, однако, при работе с ними советуем пользоваться словарями пословиц, указанными в списке литературы. В уроках даются упражнения на перевод польских предложений, содержащих фразеологизмы, на русский язык, поэтому пособие может использоваться также в преподавании польского языка русским студентам-полонистам.

**I. РУССКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ
ГЛАЗАМИ СЛАВИСТА**

ЧТО ТАКОЕ ФРАЗЕОЛОГИЯ?

(Понятия, проблемы, задачи)

Всем известно, что основу языка составляют фонетика, грамматика и лексика. **Фонетика** – его материальная оболочка, плоть, без которой язык был бы обречен остаться лишь ветхозаветным «Духом, носящимся над водами». **Грамматика** (включая и синтаксис) – формальная логика языковой системы, законы соединения характерных для речи форм и сочетаний слов. **Лексика** – воплощённые в материальную фонетическую форму наименования окружающих человека предметов и явлений, как реально существующих, так и созданных его фантазией или развитием цивилизации.

Казалось бы, эта триада идеально обслуживает все потребности передачи человеческой мысли, собственно, – исчерпывает их. Гармонию этой лингвистической троицы, однако, несколько нарушает **фразеология**.

Посмотрим, как это происходит.

Приехавший когда-то из Польши в Ленинград стажёр-русист (не будем называть его имени) описывал в своих воспоминаниях поразившие его эпизоды. Вот один из них. По дороге в гости к своему приятелю, ему пришлось созерцать следующую картину. За столом, в дальнем углу двора, под кустом акации на лавочках сидели мужики и попивали что-то

горячительное. Один из них, вынимая из кармана коробочку громко предложил: «*Забьём козла?*» У стажёра сжалось сердце. Он с ужасом подумал, что сейчас на его глазах **убьют живого козла** и он станет свидетелем какого-то варварского жестокого жертвоприношения. К счастью, – и немалому облегчению для автора воспоминаний, – убиения не последовало. Каково было удивление героя, когда вместо козла на столике появилось... **домино**, и группа мужчин, сидящих на скамейке, принялась играть в него, громко стуча «костяшками» по столу.

Забивать козла у русских и значит – ‘играть в домино’.

Реакция на этот оборот любого поляка, даже неплохо знающего русский язык, вполне понятна. Ведь **забить кого-либо** и в русском языке значит примерно то же самое, что и в польском. Польское **zabić**, правда, имеет более обобщённое значение: его употребляют и для характеристики убийства человека, в то время как *русск. забить* более специализированно обозначает ‘закалывание крупного домашнего животного’ (например, быка). Но это особо дела не меняет, тем более, что русский **козёл** вполне относится к тем домашним животным, которые могут быть **забиты**, т.е. заколоты.

То, что случилось с будущим преподавателем-русистом в Ленинграде, случается на каждом шагу со всеми, кто изучает иностранные языки, переводит с одного языка на другой или пытается постичь языковую образность в исторической ретроспективе. Мы постоянно наталкиваемся на сопротивление живой речи формалистической «вживисекции» языка на фонемы, морфемы (*resp.* синтагмы), лексемы. Да, действительно, названная нами триада – основа языка. Но члены этой триады в реальном речевом потоке и в силу длительной эволюции так тесно переплетены, что довольно часто отчаянно сопротивляются насильственному рассечению, поверке «алгеброй гармонии», по выражению А.С. Пушкина.

Особое сопротивление оказывает **фразеология**.

Сила этого сопротивления особо ярко отражается при переходе с одного языка на другой. Буквальный перевод оборота **забить козла** польским **zabić kozła**, как мы видели, оказался абсолютно бессмысленным. Точно так же бессмысленны расшифровки сотен других русских выражений на основе простого соблюдения правил передачи фонетической, грамматической и лексической систем: **собаку съест** у русских отнюдь не означает неразборчивости в пище, а является положительной характеристикой хорошо знающего своё дело человека; **перемывать косточки** не имеет в виду повышенной любви к личной гигиене, а давно стало символом сплетен, пересудов о ком-либо; **ворон ловить** не относится к птицеводству, а, наоборот, характеризует праздного и пустого зеваку; новый просторечный оборот **вешать лапшу на уши кому-либо** не имеет никакого отношения к кулинарии, а является негативной оценкой грубого и подлого обмана; **дать стрекача** вызывает у нас представления о каком-то неведомом «стрёкающем» насекомом... Примеры бесчисленны. И польский язык здесь совершенно не уступает русскому. Ведь русского студента-полониста тоже ждёт немало фразеологических сюрпризов при изучении польского языка. Например, сложно сразу объяснить, что **mieć węża w kieszeni** – это ‘быть скупым’, а **zrobić kogoś w konia** ‘обмануть’, **gruba ryba** ‘важный, влиятельный человек’. Не сразу – потому что за каждым из таких выражений стоит история языка, культура, фольклор, литература. Фразеологизмы – своеобразный «чёрный ящик» историко-культурной и языковой информации. Фонетика, лексика, морфология и синтаксис меняются, перестраиваются в новые и новые комбинации, а некоторые словосочетания упорно сопротивляются этим переменам, застывают в своём развитии, храня память о прошлом. Это отставание **идиоматики** (так некоторые лингвисты называют

фразеологию в узком смысле слова) от языковой системы – не ретроградство. Оно оказывает языку и положительную службу. Фразеология во многих случаях тем самым становится *памятью языка*, храня давно изжившие себя, но сыгравшие некогда важную роль его элементы или свойства. Выражение **притча во языцех** ‘человек или нечто, ставшее предметом всеобщего обсуждения’ сохранило архаичную церковнославянскую форму местного падежа и устаревшее значение слова **язык** ‘народ’. оборот **сгореть дотла** ‘до основания, полностью сгореть’ позволяет реконструировать общеславянское существительное **тъю**, имевшее значение ‘основание, земля, почва, дно’. Фразеологизм **ни пуха ни пера!**, который русские студенты употребляют в ситуациях, когда польские желают друг другу перед экзаменами **Polamania nóg!**, отражает древнее народное суеверие – охотнику, уходящему в лес, специально желали **ни пуха ни пера** (т.е. не убить ни пушного зверя, ни дикой птицы), чтобы «хозяин леса» – лесной дух, *леший* не спрятал в чащу подчинявшихся ему животных. Таких фразеологических «зарубок» на языковой памяти – бесчисленное множество. Именно они делают каждый язык национально специфичным, ярким и экспрессивным.

Что же составляет собственно языковую специфику **фразеологии** как особой части языковой системы и, соответственно, особой лингвистической дисциплины?

Эта специфика не может быть выражена каким-либо одним, даже доминирующим, признаком. Она определяется совокупностью нескольких языковых характеристик. Учёные очерчивают эту совокупность по-разному, – по-разному и количественно, и качественно. Одни пытаются свести число релевантных для **фразеологизма (фразеологической единицы)** признаков к одному единственному или двум-трём, – и тогда объём единиц, которые изучаются фразеологией, становится чрезмерно широким. Так,

Л.И. Ройзензон релевантным признаком фразеологизма считал только **устойчивость** (т.е. воспроизводимость в готовом виде) и **раздельнооформленность** (т.е. способность состоять как минимум из двух слов), из-за чего понятие фразеологизма расширилось до так называемых **устойчивых словесных комплексов** – не только любых более или менее стабильных словосочетаний, но и развёрнутых афоризмов, цитат, фрагментов текста, как образных, так и необразных (Ройзензон 1973: 100, 1977: 8). Близки к такому пониманию фразеологизма и М.М. Копыленко и З.Д. Попова, в двух своих книгах и статьях рассматривающие фразеологию как совокупность любых сочетающихся друг с другом слов (Копыленко, Попова 1972, 1978). В польской лингвистике широкое понимание фразеологии характерно С. Скорупке (Skorupka 1950, 1952, 1960, 1965), который разделил все словосочетания польской фразеологии, используя формальный критерий на: *wyrażenia* [выражения] (**fala morsa; na bok; co chwila; wielce szanowny**), *zwroty* [обороты] (**ruszyć z kopyta; pleść trzy po trzy; wziąwszy pod uwagę**), *frazy* [фразы] (**burza huczy; serce boli; nie ma tego złego, co by na dobre nie wyszło**); и семантический критерий (семантической слитности) – *stałe* [постоянные, устойчивые] (**stary grzyb; sprawić komuś grzanie; wylatać grzbiet komuś**), *łączliwe* [сочетаемые] (**gniady koń; aparat telefoniczny; błady jak kreda**), *luźne* [свободные] (**jeść zupę; jeść z apetytem; droga przez pola**). Польский фразеолог не причисляет, при этом, составные термины к фразеологизмам. Ставшая классической классификация С. Скорупки была модифицирована в 80-х годах XX в. А.М. Левицким и А. Падзиньской. Они выделяют: *frazy* [фразы] (**wyszło szydło z worka; klamka zapadła; i po krzyku**), *zwroty* [обороты] (**krew kogoś zalewa; coś idzie w parze z czymś; ktoś w nogi**), *wyrażenia rzeczownikowe* [субстантивные выражения] (**biały kruk;**

kropla w morzu; starej daty), wyrażenia określające [определяющие выражения] (**pierwszy lepszy; jako tako; ni w pięć, ni w dziewięć**), wskaźniki frazeologiczne [фразеологические указатели] (**w związku z czymś; zarówno... jak i ...; bądź... bądź**) в структурно-грамматическом плане и idiomu [идиомы] (**ktoś kogoś zbija z pantaląku; nie bez kozery; ktoś idzie z kimś na udry**) и połączenia frazeologiczne (frazemy) [фразеологические сочетания (фраземы)] (**gniew ogarnia; leje jak z cebra; złodziej kieszonkowy**) – в семантическом (Lewicki, Pajdzińska 1993: 308–310). На грани фразеогизмов и синтаксических групп находятся zestawienia [соединения]. Так же широко трактует фразеологизмы А.С. Богуславский (Bogusławski 1989). Далее расширение границ фразеологии до фразематики предпринял В. Хлебда. Главными критериями, которыми оперирует фразематика, являются устойчивость и воспроизводимость. Воспроизводимые единицы: фразеологизм, пословица, поговорка, крылатое выражение, максима, синтаксическая конструкция, составной термин, этикетные формулы, тексты лозунгов и подобные, – польский профессор называет фраземами. Это относительно устойчивые языковые формулы, которые в данной ситуации стали – независимо от своих структурных и семантических черт, принятыми (нередко единственными) способами выражения данного содержательного потенциала (Chlebda 1993: 328), а позднее репродуктами («единица языка, выделенная из текстов, составленных на данном языке в результате установления ее регулярной повторяемости в этих текстах в функции вербализатора определенной содержательной группы (понятия, суждения, намерения, эмоции и т.д.). Репродукт может иметь форму слова или словосочетания и обладать метафорическим или неметафорическим семантическим статусом» (Chlebda 2010: 140)). Тем самым репродукты вливаются в необъятно широкое пространство

как устойчивых, так и неустойчивых словосочетаний, которые в современной лингвистике получили англизированное наименование *коллокаций* (см., об этом более подробно: В.М. Мокиенко, *Коллокации – теория и лексикографическая практика (о концепции П. Дюрчо)*, «*Studia Slavica Hungarica*» 2016, № 61/2, с. 363–372). Но и это не предел расширительной интерпретации интересующей нас единицы. Известны и такие подходы, которые находят признаки фразеологичности (*resp.* идиоматичности) не только в словосочетаниях, но и в словах, и даже – фонемах.

Другой крайностью является излишне зауженное понимание фразеологизма, когда в сферу фразеологии включаются лишь словосочетания идиоматического типа, в которых сохраняются специфические для данного языка образы или архаические конструкции.

Некоторым компромиссом между этими полярными трактовками являются те определения объекта фразеологии, в которых кроме сочетаемости и устойчивости фигурируют и другие признаки. Нередко при этом подчёркивается семантическая специфика словосочетания – его переосмысленность. Таково, например, определение одного из основателей фразеологии, автора известных трудов по английской идиоматике А.В. Кунина. «Фразеологическая единица, – пишет он, – это устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» (Кунин 1970: 210). При таком подходе «поле деятельности» фразеологии, конечно, сужается. Однако в нём остаётся место и для некоторых устойчивых и переосмысленных языковых единиц, которые по своим функциям и другим лингвистическим характеристикам всё-таки не совсем являются словосочетаниями. Таковы, в особенности, **пословицы**, которые А.В. Кунин и другие фразеологи (Н.М. Шанский, С.Г. Гаврин, А.Г. Назарян и др.) включают в корпус фразеологии.

Правомерно ли это?

Вопрос, конечно же, – также спорный. Однако старая европейская фольклористическая традиция на него в какой-то мере успела ответить ещё в прошлом веке. Она выработала устойчивую систему понятий и терминов, разграничивающих пословицы и фразеологизмы. Правда, последние при этом получили название **поговорок**. Термины **пословица** и **поговорка** различались и различаются фольклористами довольно чётко и определённо. Лапидарно и ярко выразил это принятое уже в середине прошлого века разграничение известный собиратель русской народной лексики Владимир Иванович Даль. **Пословица**, по его мнению, – это «коротенькая притча», суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности, **поговорка** же – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения... это одна первая половина пословицы» (ДП 1: 13–14). К пословицам, следовательно, отнесены такие народные речения, как: **Без труда не вынешь и рыбку из пруда; Любишь кататься, люби и саночки возить; Ласковый телёнок две матки сосёт**, а к поговоркам – **сваливать с больной головы на здоровую; чужими руками жар загребать; погибоша аки обре; вертеться как белка в колесе**, т.е. такие единицы, которые многими современными лингвистами именуются **фразеологизмами**.

Конечно, и сейчас не все учёные и собиратели пословиц и поговорок используют эти термины традиционно. Один из известных лингвистов и лексикографов – В.П. Жуков в своём *Словаре русских пословиц и поговорок* предложил, в частности, весьма оригинальное их толкование. Под **пословицами** им понимаются краткие народные изречения законченного синтаксического типа, имеющие одновременно прямой и переносный (образный) план, под **поговорками** – лишь «крат-

кие народные изречения (нередко назидательного характера), имеющие только буквальный план и в грамматическом отношении представляющие собой законченное предложение» (Жуков 1966: 11). К первым отнесены речения: **Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало**, ко вторым – **Деньги – дело наживное** или **Коса – девичья краса**. Это разграничение сохранено и в новейшем переиздании словаря В.П. Жукова (1991: 11).

Нет необходимости, как кажется, приписывать термину **поговорка** столь специализированное «пословичное» значение. Ведь и **образные**, и **безобразные** пословицы имеют одинаковую синтаксическую функцию и играют общую дидактическую роль. Ср. морально-нравственную ценность таких **безобразных** пословичных рекомендаций, как: **Учиться – всегда пригодится**; **Труд кормит, а лень портит**; **Ученье лучше богатства**. Несмотря на то, что образа в них нет, их афористичность, ритмичность и смысловая законченность и ёмкость делают их пословицами, вполне адекватными образными, напр.: **Ученья корень горек, да плод сладок**; **Без труда не вынешь и рыбку из пруда** или: **Ученье – свет, а неученье – тьма**.

Важно подчеркнуть, что понимание термина **пословица** как законченного образного или безобразного изречения, имеющего назидательный смысл и характеризующегося особой ритмической и фонетической организацией имеет древнюю традицию и международное хождение. Так её толкуют широкому читателю лингвистические справочники (Розенталь, Теленкова 1985: 211, 222; Тимофеев, Тураев 1974: 276–277, 272–273 и др.), так и паремиологи разных стран (Guershoon 1941; Rohrich, Mieder 1974; Taylor 1985; Krzyżanowski 1980; Eismann, Grzybek 1993; Grzybek 1994: 227–241; Chlebda 2005). **Поговорки** (*пол. wyrażenia przysłowiowe*) же большинством специалистов квалифицируются именно как фразеологизмы

(Adalberg 1894; Krzyżanowski 1980; Rohrich 1977, 1991; Chlebda 2005; Szpila 2003).

Несмотря на упомянутые споры о терминах, большинство лингвистов всё-таки пытается при определении фразеологизма соблюсти в той или иной мере золотую середину. Хотя многие дефиниции слишком усложнены (интересующийся сможет ознакомиться с основными из них по книге, где собраны цитатные определения из основной специальной литературы, изданной в России и бывшем СССР – *Библиографический указатель* 1986: 37–41), можно признать, что основной набор важнейших признаков фразеологизма достаточно компактен. Ниже, в соответствии с традицией, сложившейся в работах участников Петербургского фразеологического семинара (Мокиенко 1980: 4; Бирих, Волков, Никитина 1993: 89), под **фразеологической единицей** будет пониматься **относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание слов, обладающее, как правило, целостным значением**.

Принимая такое определение, нужно особо подчеркнуть *относительность* таких предлагаемых характеристик фразеологизма, как **устойчивость, воспроизводимость, экспрессивность и семантическая целостность**.

Рассмотрим их более внимательно.

1. Устойчивость – необходимое качество фразеологизма, ибо именно она делает его „консервативным” во времени и в пространстве. Благодаря устойчивости возникшее некогда словосочетание не распадается каждый раз на свободно соотносящиеся между собой части, а воспроизводится в том же виде, в котором некогда закрепилося. Этим фразеологизм отличается и от свободной комбинации слов, и от различных отрезков каждый раз возникающих речевых и литературных текстов. Признавая важность этого признака, нельзя не видеть, что в реальной языковой жизни стабильность употре-